

ТОКУТОМИ РОКА

Куросиво

Москва

> МАТИС ТРАЛЪ >

ТОКУТОМИ РОКА

Куросиво

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Т51

徳富 蘆花
黒潮

Перевод с японского *Ирины Львовой*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Токутоми, Рока.

Т51 Куросиво / Токутоми Рока ; [перевод с японского И. Львовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-221802-6

«Куросиво» — самый знаменитый роман, повествует об уникальной эпохе японской истории. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как отгремела революция Мэйдзи. Клан Сацума и Тёсю, лютые враги династии сёгунов Токугава, потомки тех, кого Иэясу в 1600 году разгромил в битве при Сэкигахара, наконец-то взяли реванш. Сёгунат повержен, власть перешла в руки императора, но правят Японией победители — жадные, коварные и подлые временщики. Но среди побежденных еще есть те, кто желает отомстить победителям за унижения и восстановить свою честь и доброе имя...

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Львова И.Л., перевод на русский язык. Наследники, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221802-6

ГЛАВА I

1

В начале апреля тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года в Токио, в фешенебельном клубе «Ююкан»¹ на улице Утиямасита в районе Кодзимати состоялся концерт, устроенный по инициативе дам высшего света.

Его императорское величество выразил пожелание провести сбор пожертвований на строительство военного флота. Уже поступил сопровождаемый благосклонным посланием августейший взнос — триста тысяч иен, дарованные из личных средств государя; премьер-министр обратился с воззванием ко всем чиновным лицам страны, призывая имущих людей Японии внести свою лепту в это благородное начинание, взносы посыпались один за другим, ибо каждый сознавал, что час служения отечеству пробил. В эти дни все, кто принадлежал к высшим слоям общества, даже дамы, стремились по мере своих сил и возможностей проявить искреннее желание поддержать отечество. Так возникла идея сегодняшнего концерта.

¹ «Ююкан» — под названием «Ююкан» автор описал реально существовавший в 70–80-х гг. клуб «Рокумэйкан», созданный по инициативе правительства в целях скорейшего внедрения навыков и обычаев европейской светской жизни и приобщения японской аристократии и буржуазии к внешним формам европейской цивилизации.

Достаточно было взглянуть на пригласительный билет-программу, где в конце, под почтительно набранным крупным шрифтом сообщением о том, что на вечере изволят присутствовать их высочества принцессы такие-то, значились имена княгини, маркизы, графини, виконтессы такой-то; достаточно было пробежать глазами хронику светской жизни любой из официальных газет тех дней, где в растроганных выражениях говорилось о «глубоком волнении, которое не может не вызвать прекрасная инициатива представительниц высшего света, столь действенно откликнувшихся на высочайшее пожелание»; достаточно было увидеть все это, чтобы сразу понять, что сегодняшний вечер — не обычный концерт, устраиваемый с благотворительной целью.

Концерт начинался в шесть часов вечера. После пяти в ворота клуба непрерывной вереницей, один за другим въезжали экипажи и рикши, из них появлялись европейские вечерние туалеты, кимоно с вышитыми гербами и белыми воротниками, цилиндры. Гостей встречали и провожали в зал, сбиваясь с ног от усердия, распорядители во фраках с атласными цветками вишни на лацканах.

После семи часов в зал торопливо проследовали последние опоздавшие. Военно-морской духовой оркестр уже замолк, и шла, по-видимому, наиболее интересная часть программы, потому что сквозь бесчисленные окна, залитые ярким светом, время от времени долетали звуки аплодисментов и взрывы смеха.

В саду, в зарослях пышно цветущих вишневых деревьев алыми звездочками светились шары праздничных фонариков; газовые светильники разливали слабое лиловатое сияние, похожее на дневной свет, и всякий раз, когда, вздрагивая, вспыхивали язычки пламени, из сумрака туманными облаками выступали осыпанные цвета-

ми вишневые деревья — казалось, сама весна колеблет их ветви своим дыханием.

А у ярко освещенных ворот, снаружи и в саду стояли несколько полицейских.

У западного подъезда выстроилась вряд добрая сотня экипажей, раздавалось ржание лошадей, слышался стук копыт, роющих землю. Бесчисленное число колясок рикш исполинской тысяченожкой тянулось от ворот вдоль ограды. В небе висел тусклый, слегка ущербный диск луны.

— Вот сволочи! — внезапно проговорил чей-то голос в толпе собравшихся у главных ворот любопытных, когда из зала донесся новый раскат смеха. — С чего это они так развеселились!

— Эй! Прочь с дороги!

Толпа поспешно расступилась, и в ворота с грохотом промчалась черная лакированная коляска, запряженная парой вороных трехлеток.

2

В клубе только что закончилось выступление Энтё¹, исполнившего «Таскэ Сиобара»², и на сцене, встреченные громом аплодисментов, появились Косидзи и Хироскэ.

¹ *Энтё* — Сан'ютэй Энтё (1839–1900) — знаменитый артист-рассказчик, пользовавшийся широкой популярностью. Представитель распространенного в феодальной Японии жанра «ракуго» — декламации, рассказа, — Энтё был не только исполнителем, но и создателем новых произведений этого жанра. Многие его рассказы, инсценированные для театра, вошли в репертуар национального театра кабуки.

² «*Таскэ Сиобара*» — история крестьянского сына Таскэ Сиобара, ставшего богатым купцом в городе Эдо, бытовала в городской литературе феодальной Японии. Новелла «Таскэ Сиобара» в обработке Энтё пользовалась широкой популярностью и впоследствии (в 1892 г.) была инсценирована для театра кабуки.

Покрытая пурпурным ковром эстрада была сооружена в танцевальном зале. В глубине ее ослепительно сверкали серебряные складные ширмы. Большие газовые люстры под потолком заливали зал ярким полуденным светом, но, словно этого было еще недостаточно, по бокам эстрады стояли два серебряных канделябра, так что зрители могли различить каждую морщинку и каждый волосок на лицах артистов.

Места направо от эстрады занимали его императорское высочество принц такой-то, великий князь такой-то, министры, послы иностранных держав, князья, графы, бароны; весьма обильно был представлен военный флот, и несколько скромнее — сухопутный генералитет; здесь же сидели высшие сановники и крупнейшие представители делового мира. По левую руку расположились принцессы крови, за ними — ослепительный калейдоскоп розовых, сиреневых, золотисто-зеленых европейских туалетов, среди которых то там, то здесь виднелись изысканные кимоно с длинными рукавами, с вышитыми гербами и белыми воротниками. В этом гигантском, беспорядочно спутанном букете, точно роса на солнце, вспыхивали драгоценные камни, мелькали веера из слоновой кости, надушенные шелковые носовые платки, и по залу проплывали волны тончайшего аромата; право, одного этого благоухания было достаточно, чтобы свести с ума человека, неравнодушного к прекрасному полу.

Раздались чистые звуки медиатора Хироскэ, шум мгновенно стих, воцарилась глубокая тишина, и в огромном зале звонче песни соловья, поющего в укромной долине, полился чудесный голос Косидзи:

— О, кто же он, кто посетил приют уединенный в безлюдье гор, пустынных гор далекой Ямасина...¹

¹ *Ямасина* — старинное название одной из областей в центральной Японии.

В эту минуту дверь на восточной стороне зала распахнулась, и в сопровождении украшенного цветком вишни распорядителя вошли двое мужчин. Кто-то из сидевших неподалеку от двери случайно оглянулся, и сразу же, словно по сигналу, взоры всего зала обратились на них.

Впереди шел человек во фраке, лет сорока пяти, коренастый и низкорослый, довольно полный, с желтоватым лицом и тонкими губами. Что-то неуловимо плебейское было в его облике. Чувствуя на себе всеобщее внимание, он с покровительственной улыбкой неторопливо стянул с рук белые перчатки, поклонился милостиво кивнувшим ему императорским высочествам, обменялся короткими рукопожатиями с привставшими навстречу иностранными послами, отвесил общий поклон принцессам, благосклонно взиравшим на него с другой стороны зала, кивнул налево, направо и, неторопливо опустившись в кресло в первом ряду, к которому подвел его почтиительно изогнувшийся в поклоне распорядитель, пригладил жиденькие усы. Это был граф Фудзисава, премьер-министр, вершитель судеб Японии своего времени.

На второго гостя, который остался стоять у дверей в ожидании сопровождавшего графа распорядителя, все собрание глядело с беспокойным любопытством, забыв на время и о пении Косидзи, и о мелодии сямисэна¹. Это был старик лет шестидесяти пяти, когда-то, вероятно, сильный и крепкий, а теперь изможденный, но все еще прямой и высокий. Добрая половина его головы была скрыта под проходившей через левый глаз повязкой, из-под которой виднелись только редкие седые волосы, короткие усы над слегка торчащими вперед зубами да налитый кровью правый глаз, мечущий молнии, словно

¹ *Сямисэн* — щипковый трехструнный музыкальный инструмент типа цитры.

он один вобрал в себя всю силу взгляда старика. На старике было светло-желтое хаори¹, с пятью ромбовидными гербами дома Такэда², и коричневые, в полоску, хакама³, заложенные в глубокие складки. Щурясь от яркого света газовых ламп, он стоял неподвижно, нахмурившись, скрестив руки на груди.

— Кто это?

— Кто этот человек? — чья-то рука в белоснежном манжете, державшая программу, задержала распорядителя с цветком вишни, который, проводив старика к свободному креслу, на цыпочках возвращался к выходу.

— Кто же это? — тихо повторили вопрос белоснежные манжеты.

— Не знаю.

— Но ты же только что встречал его.

— Приехал вместе с самим... — распорядитель поднял большой палец. — Но кто он такой — понятия не имею.

Между тем старик, не обращая никакого внимания на вызванное им любопытство, недоумение и перешептывание, спокойно опустил на сиденье. Распорядитель вручил ему программу, но он не взглянул на нее и не слушал артистов, а, по-прежнему скрестив на груди руки, свободным от повязки правым глазом с интересом

¹ *Хаори* — короткое верхнее кимоно.

² *Такэда* — один из могущественных феодальных домов в средневековой Японии. Князья Такэда владели землями в центральной Японии, в области Косю. Особенного могущества это княжество достигло в XVI в., при князе Сингэне Такэда, претендовавшем на роль объединителя всей Японии. После смерти Сингэна род Такэда постепенно утратил былое могущество под ударами Иэясу Токугава, установлению диктатуры которого потомки Сингэна безуспешно сопротивлялись.

³ *Хакама* — широкие штаны, заложенные глубокими складками у пояса. Надевались в торжественных случаях и мужчинами, и женщинами.

разглядывал свисавшие с потолка газовые люстры, рассматривал пышное убранство зала, сурово изучал разряженную публику. Наконец, ироническая усмешка искривила его губы.

Внимание собравшихся, на время отвлеченное пришествием запоздавших гостей, вновь обратилось к эстраде; в безмолвном, словно пустыня, зале такт за тактом звучала и ширилась мелодия, и постепенно красота плавно льющегося голоса Косидзи, в сочетании с прекрасным текстом и дивными звуками, заставила слушателей позабыть обо всем. Из апреля тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года они перенеслись в эпоху Гэнроку¹, из клуба «Ююкан» — в одинокую обитель в горах Ямасина, туда, где страдала прекрасная девушка, потерявшая рассудок от любви, где замирала и вновь звучала флейта странствующего музыканта, где готовилась принять смерть верная долгу жена самурая... Казалось, все это происходит здесь, в этом зале, и сердца слушателей сжимались в грустном томлении.

Впереди, перед самым носом старика, покачивалась в такт музыке глянцевиная голова, разделенная безукоризненным пробором на черные половинки; на местах, которые занимали дамы, неудержимо лились слезы и к глазам прикладывались дорогие заграничные платочки, обшитые кружевами. Старик зажмурился от досады.

¹ *Гэнроку* — период с 1688 по 1703 г. Согласно древней традиции, заимствованной из Китая, летоисчисление в Японии велось по так называемым эрам или эпохам, большей частью совпадающим с царствованием императоров. Эта традиция сохраняется до сих пор. Эпоха Гэнроку известна в истории японской культуры как период бурного расцвета всех видов искусства, литературы, живописи, театра. Этот расцвет связан с появлением городов и ростом «третьего сословия», идеологию которого выражало искусство эпохи Гэнроку.

Между тем артист, которого подобные мелочи нимало не задевали, продолжал пение, и вот уже зазвучали последние строфы:

— Вечный покой... Вечный покой... Разбилось сердце, исполненное тревог и волнений, — оно живет теперь только в напеве флейты... — Взметнулась заключительная фраза мелодии, и сейчас же загревели аплодисменты.

Открыв глаза, старик увидел, как оба артиста распластались в поклоне.

Первое отделение программы на этом закончилось. Публика, наполнявшая зал, перевела дыхание, задохнулись веера, затрепетали платки, и среди сдержанного гула, похожего на шелест ливня, перед эстрадой появилась особа лет тридцати, в коричневом европейском платье, украшенном на груди цветком вишни, с густо напудренным, чрезвычайно крупным толстощеким лицом.

— Это кто же такая? — спросил седой господин, похожий на провинциального чиновника, оглядываясь на соседа — человека с красивыми усами.

— Эта женщина? Это Киёко Китадзима.

— Вот эта? Но она же вовсе не хороша! — имя Китадзима пользовалось широкой известностью, и седой господин решил, видимо, что она непременно должна быть красавицей.

— Ну, смотря на чей вкус... — красивые усы усмехнулись.

Заявив, что «берет на себя смелость сказать несколько слов от лица дам», Китадзима в качестве одной из устроительниц сегодняшнего концерта прежде всего выразила благодарность всем присутствующим за то, что они сооблаговолили откликнуться на приглашение, затем сообщила, что ввиду неожиданного прибытия их превосходительств иностранных послов и членов посольств про-

грамму решено несколько изменить — после перерыва будут показаны танцы балетной школы под руководством танцовщицы Ханаяги, а также выступит гастролирующий в Японии знаменитый венгерский скрипач Комароцци.

Далее она объявила, что успех при распродаже билетов превзошел все ожидания, но устроительницы концерта хотят еще раз воспользоваться любезностью дам и господ и провести сейчас дополнительный сбор, а потому всех просят еще некоторое время оставаться на местах. Выговорив все это без малейшей запинки, она удалилась.

Внезапно рядом с креслами дам грянула веселая, бодрая музыка военно-морского оркестра. В тот же момент двери напротив эстрады распахнулись, и в зал, точно стайка бабочек, пляшущих в весеннем ветерке над пестрым ковром цветов, впорхнули два десятка молоденьких девиц со шляпами в руках.

Прекрасная весенняя ночь, жаркая пьянящая атмосфера нарядного зала, веселая, бравурная музыка, очаровательные, как цветки, девушки, от платьев которых веяло ароматом духов «Белая роза»... Многие из них привыкли к балам и держались вполне непринужденно: в ручках, украшенных драгоценными камнями, они держали шляпы и, протягивая их гостям, лепетали бойкой скороговоркой:

— Прошу вас, еще немножко... Жертвуйте еще, господа...

На мужчин это действовало безотказно. Первым бросил деньги граф Фудзисава. За ним потянулись иностранные послы, не успевшие даже сообразить, что может настать день, когда их взносы превратятся в залпы по кораблям их же держав; бросали деньги и прижимистые крупные дельцы, не успевшие даже посетовать на то, что после пожертвований и покупки билета на концерт у них умудряются вымогать еще и еще... Мелькали кредитные

билеты, со звоном падали золотые и серебряные монеты, а в ответ слышалось:

— Жертвуйте, жертвуйте, господа... Можно и эти часы, пожалуйста...

— Благодарю вас...

— Приходите же к нам в гости...

Тем временем старик с досадой наблюдал за оживлением, поднявшимся в зале, и вдруг почувствовал, что кто-то остановился возле него. Оглянувшись, он увидел хорошенькую девочку лет двенадцати-тринадцати, протягивавшую ему шляпу.

Она стояла без улыбки, без тени смущения на серьезном строгом личике, — не девочка, а настоящая маленькая леди в старинном кимоно лилового цвета, незаметно переходившего в более светлый тон у подола, с длинными рукавами, украшенными узором, который изображал лепестки цветов и струи воды; высоко на груди был аккуратно и чинно повязан широкий вышитый парчовый пояс, уложенный сзади сложным бантом. Сквозь черную как смоль челку просвечивал белоснежный лоб, детская прическа «тигова»¹ скреплена большой серебряной шпилькой в виде летящего журавля. Личико у нее было немного продолговатое, с прямым носом, белое, почти прозрачное и лишь слегка нарумяненное, маленькие подкрашенные губки сжаты в прямую линию, а черные ясные глаза под густыми, почти мужскими бровями без малейшей робости в упор смотрели на старика.

Так они глядели друг на друга — маленькая леди на старика, а старик — на маленькую леди, затем рука старика опустилась в карман, извлекла оттуда старенький суконный бумажник, и несколько медных монет со стуком упали в шляпу. Накрашенные губки чуть приоткрылись,

¹ «Тигова» — старинная прическа девочек в дворянских семьях.